

Научная статья
УДК 94 (470.6)"18"
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.9>

ФЕНОМЕН АБРЕЧЕСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Иса Абдурахимович Мутушев¹

¹ Пятигорский государственный университет (д. 9, просп. Калинина, 357532, Пятигорск, Российская Федерация)
Аспирант. ORCID: 0009-0003-4033-067X. E-mail: ud@pgu.ru

Аннотация. Введение. Статья рассматривает особенности абреческого движения на Северном Кавказе во второй половине XIX в., которое интерпретируется как одна из форм социального протеста. Автор ставится под сомнение научная перспектива попыток определить начало абреческой практики в регионе. Вместе с тем разделяется гипотеза о её происхождении и связи с обычаем кровной мести. **Материалы и методы.** Автор показывает, как менялась идеология абречества в зависимости от социально-политической и экономической ситуации в северокавказском крае, а также подчеркивается неоднозначность восприятия местным населением людей, которые стали на путь грабежа. Исследование построено на анализе текстов отечественных и зарубежных кавказоведов и материалов, полученных из архивных фондов ЦГА РСО-А. В качестве приемов историко-политического исследования использовались ретроспективный, иллюстративный и персонально-биографический методы. **Анализ.** Автор статьи обращает внимание на неоднозначность восприятия феномена абречества и отношения к нему со стороны различных социальных слоев населения Северного Кавказа, а также разногласия в его оценке со стороны кавказоведов, занимавших различные социально-политические позиции. В глазах местной кавказской бедноты обреки были защитниками справедливости, тогда как для официальных властей и местных элит – бандитами и преступниками. Приводится оценка абреков российскими революционерами (Е. Эшба, А. Шерипов), которые разделяли идеалы марксистского учения и опре-

деляли абреков борцами с угнетением и защитниками социальных низов общества. Автор рассматривает также образ «благородного разбойника» в фольклоре, где абрек наделяется наиболее почитаемыми со стороны широких слоев общества чертами – щедростью, смелостью, бескорыстием. Однако по большей части реальные абреки далеко не всегда соответствовали тем качествам, которые им приписывались. Нередко произвол грабителей заставлял людей избавляться от них, в том числе помогать официальной власти выслеживать и ликвидировать абреков. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в результате кардинального изменения социально-политической, экономической и культурной парадигмы на Северном Кавказе происходят заметные трансформации и в практикуемых протестных формах, применяемых населением, отстаивающим своё право на самобытность. В рассматриваемый исторический период абреки выступали в роли защитников «традиционных ценностей», стремились не допустить внедрения элементов капиталистической модернизации в повседневную жизнь, определенной части горского социума, наименее подготовленного к восприятию происходивших перемен.

Ключевые слова: абрек, власть, администрация, маргинал, грабежи, общество, справедливость

Для цитирования: Мутушев И. А. Феномен абречества на Северном Кавказе как форма социального протеста в конце XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 251–257. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.9

Original article

PHENOMENON OF ABRECHESTVO IN THE NORTH CAUCASUS AS A FORM OF SOCIAL PROTEST IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Isa A. Mutushev¹

¹ Pyatigorsk State University (9, Kalinin avenue, 357532, Pyatigorsk, Russian Federation)
Postgraduate student. ORCID:0009-0003-4033-067X. E-mail: ud@pgu.ru

Abstract. Introduction. The article examines the features of the abrek movement in the North Caucasus in the second half of the 19th century, which is interpreted as one of the forms of social protest. The author casts doubt on the scientific perspective of attempts to determine the beginning of the abrek practice in the region. At the same time, the hypothesis about its origin and connection with the custom of blood feud is supported. **Materials and Methods.** The author shows how the ideology of abrechestvo changed depending on the socio-political

and economic situation in the North Caucasian region, and emphasizes the ambiguity of the perception by the local population of people who took the path of robbery. The study is based on the analysis of texts by domestic and foreign Caucasian scholars and materials obtained from the archival funds of the Central State Archive of the North Ossetia-Alania. Retrospective, illustrative and personal biographical methods were used as methods of historical and political research. **Analysis.** The author of the article draws attention to the ambiguous perception

of the phenomenon of abrechestvo and the attitude towards it by various social strata of the population of the North Caucasus, as well as the discord in its assessment by Caucasian scholars who occupied various socio-political positions. In the eyes of the poor, the doomed were defenders of justice, while for the official authorities and local elites they were bandits and criminals. Abreks are assessed by Russian revolutionaries (E. Eshba, A. Sheripov), who shared the ideals of Marxist teaching and defined abreks as fighters against oppression and defenders of the social lower classes of society. The author also examines the image of the «noble robber» in folklore, where the abrek is endowed with the most revered traits by the general public - generosity, courage, selflessness. However, for the most part, real abreks did not always correspond to the qualities that were attributed to them. Often, the arbitrariness of the robbers forced people to get rid of them, including helping the official

Введение. После завершения массовых протестных выступлений 20–50-х гг. XIX в. и восстания 1877–1878 гг. имперская власть в регионе столкнулась с новой тактикой своих противников, выражавшейся в индивидуальной борьбе с существующими порядками. Своеобразной «визитной карточкой» региона стали абреки – люди, которые с оружием в руках выступали против официальной власти, а также против тех, с кем они желали свести счёты, но не могли рассчитывать на понимание со стороны местной администрации и правоохранительных органов.

Не следует считать, будто абреки боролись исключительно за политические права и свободы. Эти люди ставили перед собой самые разные задачи, в том числе и связанные с личным обогащением с помощью криминальных методов. Но среди местного населения пользовались любовью и были окружены романтическим ореолом те из них, кто пытался восстановить справедливость в ситуации, когда попирались законы и обычаи, почитаемые обществом. С помощью тактики индивидуального террора местные удалыцы и поддерживавшее их население боролись с неэффективностью существующих властных институтов, заставляя их учитывать интересы тех, кто испытывал трудности с адаптацией к новым, непривычным для себя порядкам, привнесённым империей.

Материалы и методы. Рассматривая феномен кавказского абречества в исследуемый период и определяя его социальную роль и направленность, следует подчеркнуть, что институт абречества сложился ещё до того, как на Кавказ пришла Российская держава [5, с. 8]. Одновременно обращает на себя внимание тот факт, что исследователи данного исторического и социокультурного феномена не могут определиться с отправной точкой его становления. Так, у Ю. М. Ботякова фигурируют события, относящиеся к XVI столетию [5, с. 8], а у Л. С. Гатаговой мы встречаем утверждение, что абречество зародилось уже в раннем Средневековье [7, с. 99] и т. д.

authorities track down and eliminate abreks. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that as a result of a fundamental change in the socio-political, economic and cultural paradigm in the North Caucasus, there are noticeable transformations in the practiced protest forms used by the population defending their right to identity. In the historical period under review, the abreks acted as defenders of «traditional values», sought to prevent the introduction of elements of capitalist modernization into everyday life, a certain part of the mountain society, the least prepared to accept the changes that were taking place.

Key words: abrek, power, administration, marginal, robberies, society, justice

For citation: Mutushev I. Phenomenon of abrechestvo in the North Caucasus as a form of social protest in the late 19th – early 20th centuries // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 251–257 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.9

В отличие от своих коллег, В. О. Бобровников «омолаживает» данную практику и относит нижнюю хронологическую границу к 20–50-м гг. XIX в. По его мнению, абречество «как новое социальное явление» сформировалось в годы активного противостояния горцев российской военно-политической экспансии, известной как Кавказская война [4, с. 79]. Но такие утверждения должны опираться на соответствующую аргументацию, основанную на исторических фактах. Однако автор данного подхода таковых не приводит и ограничивается лишь гипотетическими рассуждениями общего характера.

В связи со сложившейся ситуацией вокруг вопроса о времени появления института абречества на Кавказе можно предположить, что выявить нижнюю хронологическую границу этого явления в настоящий момент не представляется возможным по причине разногласий среди исследователей и отсутствия достаточного количества репрезентативных источников. Но что не вызывает сомнения, так это древность подобной практики и её способность мимикрировать в меняющихся обстоятельствах.

Можно также утверждать, что данный социальный феномен выполнял важную общественно-регламентирующую роль, связанную с отстаиванием прав индивида в том случае, когда он подвергался прессингу со стороны враждебно настроенного к нему коллектива. Это позволяло добиваться баланса интересов, хотя и не гарантировало справедливого разрешения конфликта и позитивного финала в противостоянии между отдельным человеком и обществом. Абрек-маргинал, будучи изгоем, чаще всего погибал, но мог успеть нанести серьёзный ущерб своим обидчикам, поэтому стороны старались не доводить конфликт до такого критического состояния, после которого примирение становилось невозможным.

Исследование представленных точек зрения как выше поименованных и всех иных авторов, их различных подходов в определении истории появления института абречества в горах Кавказа

проводился с учетом исторического контекста и метода исторической реконструкции. При помощи метода научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, объединяя многообразие в единство, достигались новые знания.

Анализ. Представляется оправданным подход Л.С. Гатаговой, которая рассматривает абречество в связи с таким древнейшим обычаем, как кровная месть. Именно она чаще всего толкала человека на тропу абречества. Когда российская власть стала искоренять подобную практику и попыталась монополизировать право на насилие, это привело к тому, что «стали ослабевать и нравственные устои внутри сельских обществ, что, в свою очередь, повлекло за собой рост статистики тяжких преступлений» [7, с. 90]. В этой связи желание абреков наказать своих обидчиков казалось людям меньшим злом, чем правовой коллапс, который произошёл в результате действий имперской администрации, стремящейся «цивилизовать» Кавказ.

В качестве главных очагов абречества чаще всего называют Дагестан, Чечню и Ингушетию [21, с. 110]. Но в рассматриваемый период он получил новое идеологическое наполнение и социальное звучание. В этой связи кажется неслучайным то обстоятельство, что именно здесь происходили основные события, связанные с противостоянием части горского мира российской имперской экспансии. Сломав организованное сопротивление против утверждения имперской власти в регионе, могучая северная держава не смогла ликвидировать те обстоятельства, которые порождали массовое недовольство местных народов новыми порядками. Характерная для региона конфликтность, существовавшая задолго до того момента, когда там появились российские властные институты, преобразовалась в атомизированные очаги противостояния, тем более что они всегда были присущи горскому правосознанию, опиравшемуся на традицию.

В глазах современников абреки нередко начинали выглядеть не просто разбойниками-маргиналами, а борцами за поправленную справедливость. Отсюда и поддержка этих «народных мстителей», какую они получали от самых разных слоёв общества. Их жертвами становились чиновники и представители местной социальной верхушки, которые, по мнению абреков, были виновны в несправедливом преследовании и грабеже их соплеменников [8, с. 48–49]. Причём этничность таких людей роли не играла. Они могли ликвидировать и представителей своего народа, если считали их виновными в нанесённых обидах [13, с. 75]. Резонно предположить, что в данном случае мы видим трансформацию обычая кровной мести, которая могла быть адресована отныне не только личному обидчику, но и притеснителю общества в целом.

Нам кажется, что недооценивать потенциал таких методов нельзя. По крайней мере, высокопоставленные царские администраторы утверждали, что «в Терской области, с её разноплеменным и склонным к преступлениям туземным населением, создаются такие условия, при которых усилия администрации направлены главным образом к беспрестанной борьбе с разбоями и грабежами» [15, с. 942]. И дело здесь не в «порочности нравов», а в массовом разочаровании, которое испытывало население в тех социально-экономических перспективах, которые предоставляла ему империя. Предложенные российской стороной механизмы регламентации общественных отношений явно не воспринимались горскими обществами как справедливые и эффективные.

Среди абреков было немало тех, кто являлся профессиональным преступником. Но это не предопределяло того обстоятельства, что грабёж был для них главным мотивирующим фактором и сущностным содержанием подобной практики. Чаще всего исследователи выделяют в качестве доминирующей мотивации в выборе судьбы абрека месть [5, с. 9–14].

Следует отметить позицию по данному вопросу, которую занимали сторонники марксистской идеологии – социал-демократы. Действия абреков вызывали у них восхищение. Так, известный в своё время чеченский революционер Асланбек Шерипов, который занимался переводами народных песен, посвящённых горским удалцам, говорил об абреках следующее: «Несоответствие русского суда и обычного права горцев, преступная администрация Кавказа и общая политика притеснения заставляла многие сильные личности из чеченцев (и вообще из кавказцев) становиться на нелегальное положение, а то и просто изгоняли их из списков порядочного общества» [28, с. 151].

В ответ абреки стремились наносить максимальный и разнообразный вред, который не был персонально ориентирован, а в качестве цели избирал государственную систему. Азартная неприимчивость приводила к тому, что «абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и др. правительственные учреждения... А власть ещё пуще налегала на мирное население: штрафы, высылка в Сибирь, виселица и т. д. Власть терроризировала местное население, а абреки терроризировали эту власть...» [28, с. 151].

В сложившихся обстоятельствах того исторического периода изменилась даже семантика понятия «абрек». Это был уже не банальный грабитель (того называли презрительно – «воришка») – это был престижный символ, народный заступник, герой. Рискнём предположить, что воспеваемые персонажи были сродни героям нартского эпоса, в котором ключевой персонаж также совершал деяния во благо народа.

А. Шерипов подметил такую важную черту в народном восприятии данного феномена, как их взаимосвязь с предшествующей эпохой. Он утверждал, что «наиболее отважные и удачливые из абреков так поражали психологию чеченцев, что они считали их продолжателями дела Шамиля и мюридов» [28, с. 152]. И хотя оба эти исторические явления были порождением во многом непохожих социально-экономических и политических реалий, но в данном случае важно другое: в общественном сознании они ассоциировались с носителями справедливости и того порядка, который был близок немалой части горского общества.

В абречестве видели некую мечту о вольном и героическом образе жизни, который традиционно воспевался в фольклоре и на котором были воспитаны все предшествующие поколения. Она манила тех, кто не желал принимать и разделять ценности новых исторических реалий, толкавших горское юношество к созидательному, но лишённому «героических» черт труду. Пожалуй, квинт-эссенцией рассуждений А. Шерипова на эту тему стали следующие его выводы: «Народная энергия не могла быть вся истрачена на земледелие и вообще на добывание куска хлеба. Остатки этой энергии требовали выхода, но условия старого режима не давали этого выхода. Культурное и духовное творчество народа было придавлено и задержано, и тот, кто не мог удовлетвориться плугом и сохой, проводил время в буйных ночных набегах и в братстве с абреками...» [28, с. 153].

Можно согласиться с подобным рассуждением, т.к. социальной опорой абреков в массе своей становились люди, не сумевшие найти себя в сложившейся капиталистической модели развития. Но примечательно, что не раз восторженно отзывавшийся об абреках революционер предпочёл встать на сторону марксистов, увидев в них носителей тех идей, которые должны были принести счастье его соотечественникам [18, с. 9; 14, с. 201].

Близко знавший Шерипова Ефрем Алексеевич Эшба, который занимал пост председателя Сухумского окружного комитета РСДРП (б) отмечал: «А. Шерипов настолько резко отошёл от предрассудков окружавшей его среды, особенно за последний период, когда он стал большевиком и связался с грозненскими рабочими, что был награждён из этой среды кличкой «босняка». Кроме того, ему чужды были какие-либо семейные и родовые (тайповые) уклоны; ведь достаточно только поставить вопрос: «Шерипов – и родовые уклоны», чтобы одна постановка этого вопроса оказалась пустой и бессмысленной...» [29, с. 9–10]. Увлечение абречеством покинуло чеченского революционера вместе с юностью и полученными политическими знаниями и жизненным опытом.

Вторил чеченскому большевику и другой яркий представитель горской интеллектуальной элиты – Ахмед Цаликов. Он отмечал, что «играют в развитии абречества и «отрыжки» прошлой кровавой эпохи многовековой войны с укоренившимися представлениями о молодечестве и условиях экономического и культурно-общественного быта. <...> Естественный отбор выдвигает среди абреков наиболее отважных, и создаются те легендарные кавказские абреки, слава о которых переходит из поколения в поколение» [22, с. 217].

Столь «романтический» взгляд на это сложнейшее социально-политическое и культурное явление сохраняется и в современной литературе. Исследователи пытаются выработать чёткое разграничение уголовной преступности и «благородного» абречества [10, с. 98]. В качестве критерия предлагается рассматривать объекты, для которых предназначались и были потрачены захваченные ценности. «Подлинный» абрек покупал себе только оружие, боеприпасы, продовольствие и необходимую одежду. Оставшиеся деньги уходили на поддержание семей соратников, отбывавших тюремное заключение или каторгу. Могли помочь и просто нуждающимся людям. Утверждается, что абрек не желал проливать кровь своих жертв. Он шёл на это, лишь опасаясь за собственную жизнь, в том случае, если ему оказывалось сопротивление [1, с. 90].

На наш взгляд, такой подход не имеет перспективы. При желании можно найти немало примеров как позитивных действий участников протеста против фактов несправедливости, так и доказательства меркантильной корысти, достойной осуждения. Следует, однако, согласиться с выводом о колебательном нарастании и затухании абреческого движения, которое имело место в северокавказской политической повседневности [10, с. 98].

Так, в Терской области по данным на 1875 г. было зафиксировано лишь 10 случаев, которые можно трактовать как преступления абреков, но затем их число возрастает [23, л. 2 об.]. Спустя четыре года их уже 40, а в 1887 г. – 68 случаев [24, л. 144]. Но все эти цифры меркнут перед статистикой конца столетия, когда в Терской области по официальным данным было уже 567 случаев разбоя абреков (данные на 1894 г.) [10, с. 98].

В исследовании феномена кавказского абречества стоит подчеркнуть его тесную связанность с существовавшими в горах традиционными устоями. Особенно сильное воздействие образ абрека оказывал на молодёжь, которая стремилась проявить себя в некоем героическом деле [3, с. 35]. То, что абрек рискует жизнью в отстаивании своей правоты, может похвастаться богатой добычей и т. п. привлекательные черты, всегда импонировало юношеству, склонному к импульсивным поступкам. О последствиях в этом случае задумывались редко.

Есть немало свидетельств того, как население поддерживало «благородных разбойников», осуждая тех, кто пытался содействовать властям в их поимке. Любопытный документ был выявлен в ЦГА РСФСР-А, он наглядно демонстрирует отношение даже официальных представителей горского самоуправления к тем, кто участвовал в погоне за абреками. Так, старшина селения Экажево обручал ингушей, которые «принимают участие в преследовании» абреков, и нанёс уничижительный «удар одному из них плетью», не скрывая своего сочувствия к укрывшимся в ауле беглецам [25, л. 15]. При этом он прекрасно знал, что они совершили грабёж, но это не изменило его отношения к происходящему.

Никто не рефлектировал относительно того факта, что полученные ценности были изъяты не всегда праведными способами. Большое богатство, согласно существующим морально-нравственным императивам, могло быть нажито далеко не добродетельным путём. В этом случае человек, занимаясь экспроприацией с целью перераспределения в пользу наиболее нуждающихся, становился поборником высшей справедливости.

Потому общество могло вставать на защиту тех, кто содействовал горской традиции. Например, сородичи с оружием в руках старались освободить попавшего в неволю абрека. Они отдавали себе отчёт в том, что подобное выступление неминуемо вызовет репрессии со стороны царской администрации, но это не останавливало тех, кто считал своим долгом прийти на помощь близкому человеку [12, с. 76].

Поддержка изгоя расценивалась как добродетель, а предательство осуждалось даже близкими людьми. Абрек был уверен, что никто не выдаст его русским преследователям. В газете «Кавказ» приводится случай, когда одного из абреков, спрятавшегося в доме местного жителя Сафара, выдал его сын, польстившись на монету. За это разгневанный отец застрелил мальчика, заявив, что «Никогда в роде моём не было изменников, и ты первый запятнал наше имя!». Он запретил жене оплакивать предателя и повелел «лучше молиться за него» в надежде, что Всевышний простит его грех [17, с. 179].

Нередко такая симпатия к абрекам была вызвана обычным страхом перед этими отчаянными и решительными людьми. Разуверившись в эффективности правоохранительной системы, местные жители предпочитали «задабривать» разбойников. Население не только не оказывало властям какого-либо содействия при преследовании разбойничьих шаек, но нередко укрывали их, «... из боязни, что не пойманный член шайки жестоко и безнаказанно отомстит всему населению» [19, с. 627].

Недостаточная эффективность правоохранительных структур провоцировала насилие. Полиция зачастую была вооружена гораздо хуже тех,

кому противостояла. Стоит ли удивляться, что население, «чувствуя свою слабость, невольно становилось на сторону сильного», — писал дореволюционный автор Г. М. Туманов, специально занимавшийся проблемой разбоев на Кавказе [20, с. 19].

Ситуация осложнялась также тем, что значительная часть горского населения не доверяла «русским» судам. В горской обывательской среде сложилось мнение, что выносимые приговоры не соответствуют степени тяжести совершенного проступка, особенно когда традиция их одобряла. Потому ожидавший наказания мог бежать в горы и там найти приют и покровительство [20, с. 30].

У таких предубеждений имелись основания, т. к. даже царские чиновники признавали, что многие преступления «обязаны своим существованием преступности самой администрации», той кадровой неразборчивости, которая делала начальником людей, которые ранее и «близко не допускались к общественным делам» [27, л. 2–3].

Небольшое жалование приводило к тому, что в юридическую службу шли люди, которые не отличались ни служебным рвением, ни профессиональными знаниями, ни крепкими нравственными устоями. Такие чиновники стремились поправить своё экономическое положение за счёт поборов с населения, и неудивительно, что защиту от произвола властей искали у изгоев-абреков [26, л. 4 об.]. Известны случаи, когда представители власти договаривались с криминалом и действовали сообща [21, с. 136].

Осмысливая положение абреков в системе горского общества, подвергавшегося радикальной трансформации, происходившей под воздействием внешних обстоятельств, следует констатировать, что абрек был фигурой отчасти героической и одновременно трагической. Как правило, его ждала гибель, т. к. в своём противостоянии государственным институтам он был обречён. Подобная ситуация не была новой в истории народов Северного Кавказа. Более ранний опыт такого рода состоялся ещё в период монгольского завоевания Кавказа. Абреки не могли рассчитывать на победу, в одиночку сражаясь исключительно ради мести [9, с. 61–62].

Со временем «абрек-идеалист» стал уступать место «абреку-прагматику», для которого разбой стал профессией. Именно такие люди, сколотив капитал, старались найти возможности заслужить прощения у царской администрации, легализовать богатства и остаток жизни провести в комфорте, не опасаясь за собственную жизнь. Они уже не желали возвращаться к крестьянскому труду, да и их прежнее общество отвергало подобных маргиналов [16, с. 143].

Пока абрек помогал поддерживать равенство и социальную справедливость, он был в определенной мере нужен обществу. Такой человек мог рассчитывать на расположение земляков и их

материальную и моральную поддержку. Но если он сам превращался в сильного, возвышающегося над соплеменниками лидера, отношение к нему могло кардинально поменяться.

Начавшаяся революция 1905–1907 гг. вновь актуализировала потребность в абреках. Паралич власти давал шанс местным удайцам продемонстрировать свою полезность обществу, произвести перераспределение материальных ценностей «по справедливости». К этому времени накопилось немало претензий к представителям местных зажиточных слоёв населения, чьё богатство создавалось за счёт отказа от местной традиции и на фоне обнищания немалой части земляков.

По мере восстановления порядка и прекращения революционного коллапса ситуация снова менялась. Правительство не могло допустить соперничества со стороны нелегитимных агентов, покушавшихся влиять на протекание социально-политических процессов в регионе. В этой связи абреки и связанная с ними «преступность, представляется одним из главных тормозов для гражданского развития кавказского населения» [20, с. 1].

Несмотря на серьёзные издержки, царская администрация постепенно избавлялась от абреков, создав легальные способы отстаивать народные интересы. К тому же усилившая свои социальные позиции горская интеллигенция предпочитала действовать в рамках существовавшего правового поля. Абречество при таком развитии социально-политических процессов утрачивало политическое содержание и вновь превращалось в банальное грабительство.

Однако глубинные причины, порождавшие такую форму борьбы, не были окончательно исчерпаны в горском социуме. Как только наступал

системный кризис и государственные институты теряли свою действенность, абреческая практика удивительным образом вновь возрождалась и её масштабы многократно превышали показатели предыдущего периода [11, с. 104–137].

Результаты. По итогам проведенного исследования было выявлено, что в результате кардинального изменения социально-политической, экономической и культурной парадигмы развития, на Северном Кавказе происходят заметные трансформации почти во всех сферах жизни местных народов и, в том числе, в практикуемых там протестных формах, применяемых населением, отстаивающим своё право на самобытность.

К концу XIX столетия социально-политическое противоборство стало носить преимущественно характер индивидуального противостояния человека и власти. Издавна известная практика абречества приобрела политическое звучание. Если ранее под личиной абрека выступал маргинал, в значительной мере порвавший со своим окружением и противопоставлявший себя обществу, то теперь это был человек, отстаивающий интересы того или иного местного социума, претендовавший быть радетелем традиционных способов поддержания порядка и внутриэтнической гармонии.

Долгое время в горском общественном сознании абрек был носителем добродетелей, присущих «старине», готовый с риском для жизни не допускать внедрения в жизнь горского мира привнесённых Россией инородных моделей поведения. Имперская администрация поневоле должна была конкурировать с такими людьми за влияния на умы горцев, и это заставляло учитывать интересы наименее защищённых слоёв общества, весьма болезненно адаптирующихся к происходящим изменениям.

Литература

1. Агиева Л. Т. Абречество как одна из форм социального протеста // Наследие веков. 2020. № 1. С. 88–97.
2. Антология Чечено-Ингушской поэзии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1981. 464 с.
3. Бердыев С. К. Чечня и разбойник Зелимхан (Из далёких воспоминаний). Париж, 1932. 63 с.
4. Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычаи, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана: монография. Москва: Восточная литература, 2002. 368 с.
5. Ботяков Ю. М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления: монография. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2004. 208 с.
6. Ботяков Ю. М., Бочаров В. В., Гиренко Н. М. и др. Антропология насилия / Ответственные редакторы В. В. Бочаров и В. А. Тишков: монография. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 533 с.
7. Гатагова Л. С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917: монография. Москва: Новый хронограф, 2016. 448 с.
8. Гриценко Н. П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX веков: монография. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1971. 108 с.
9. Гутнов Ф. Х. Средневековая Осетия: монография. Владикавказ: Ир, 1993. 229 с.
10. Джанаев А. К. Народы Терек в российской революции 1905–1907 гг.: монография. Орджоникидзе: Ир, 1988. 312 с.
11. Жуликова Е. Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг.: монография. Москва: Новый хронограф, 2016. 424 с.
12. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / Под ред. В. Б. Виноградова: монография. Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. 211 с.
13. Козачковский В. Разбои на Кавказе: монография. Владикавказ, 1913. 140 с.
14. Морозова О. М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета: монография. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. 276 с.

15. Пальм Гр. Кавказские губернаторы о Кавказе. (Материалы для истории кавказского мятежа) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1910. Т. 121. Сентябрь. С. 934–944.
16. Северный Кавказ в составе Российской империи: монография. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
17. Сен-Томас В. де Суд отца // Кавказ. 1846. № 45. С. 177–179.
18. Серов Ф. Нохчи-турпал (чеченские богатыри): монография. Краснодар: Севкавказ, 1927. 31 с.
19. Туманов Г. М. Разбои и саморасправа на Кавказе // Вестник Европы. Декабрь, 1885. Книга 12-я. С. 617–647.
20. Туманов Г. М. Разбои и реформа суда на Кавказе: монография. Санкт-Петербург, 1903. 65 с.
21. Хоружев Ю. В. Абреки на Кавказе: монография. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 524 с.
22. Цаликов А. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. 544 с.
23. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп.2. Д. 131.
24. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 308.
25. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 30. Оп. 1. Д. 52.
26. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 121.
27. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Оп. 1. Д. 168.
28. Шерипов А. Статьи и речи. Сборник. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990. 182 с.
29. Эшба Е. Асланбек Шерипов. (Опыт характеристики личности и деятельности А. Шерипова в связи с народно-революционным движением в Чечне). К десятилетию Октябрьской Революции: монография. Грозный: Издание Отдела Народного Образования Ч.А.О., 1927. 68 с.

References

1. Agieva L. T. Abrechestvo as one of the forms of social protest. Nasledie vekov = Legacy of the Ages. 2020; (1): 88–97. (In Russ.).
2. Anthology of Chechen-Ingush poetry. Groznyj: Chechen-Ingush book publishing house; 1981. 464 p. (In Russ.).
3. Berdyaev S. K. Chechnya and the robber Zelimkhan (From distant memories). Paris; 1932. 63 p. (In Russ.).
4. Bobrovnikov V. O. Muslims of the North Caucasus: custom, law, violence: essays on the history and ethnography of the law of Nagorniy Dagestan. Moscow: Vostochnaya literature; 2002. 368 p. (In Russ.).
5. Botyakov Yu. M. Abreks in the Caucasus: Sociocultural aspect of the phenomenon. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie; 2004. 208 p. (In Russ.).
6. Botyakov Yu. M., Bocharov V. V., Girenko N. M. and etc. Anthropology of violence / ed. by V.V. Bocharov and V. A. Tishkov. St. Petersburg: Nauka; 2001. 533 p. (In Russ.).
7. Gatagova L. S. North Caucasus in the era of the late empire: the nature of violence. 1860-1917. Moscow: Novyj Hronograf; 2016. 448 p. (In Russ.).
8. Gricenko N. P. Class and anti-colonial struggle of the peasants of Checheno-Ingushetia at the turn of the 19th – 20th centuries. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvo; 1971. 108 p. (In Russ.).
9. Gutnov F. H. Medieval Ossetia. Vladikavkaz: Ir; 1993. 229 p. (In Russ.).
10. Dzhanaev A. K. The peoples of the Terek in the Russian revolution 1905-1907. Ordzhonikidze: Ir; 1988. 312 p. (In Russ.).
11. Zhupikova E. F. Insurgency in the North Caucasus in 1920-1925. Moscow: Novy Hronograf; 2016. 424 p. (In Russ.).
12. Klychnikov Yu. Yu., Linec S.I. The North Caucasian Knot: Features of the Conflict Potential / red. V.B. Vinogradov. Pyatigorsk: RIA-KMV; 2006. 211 p. (In Russ.).
13. Kozachkovskij V. Robberies in the Caucasus. Vladikavkaz; 1913. 140 p. (In Russ.).
14. Morozova O. M. Tsars, Cossacks, Red commanders... Seven essays in the genre of historical and psychological portrait. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishing; 2010. 276 p. (In Russ.).
15. Palm Gr. Caucasian governors about the Caucasus. Istoricheskij vestnik = Historical messenger. 1910; (121): 934-944. (In Russ.).
16. North Caucasus as part of the Russian Empire. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2007. 460 p. (In Russ.).
17. Sen-Toma V. Father's judgment. Kavkaz = Caucasus. 1846; (45): 177-179. (In Russ.).
18. Serov F. Nokhchi-turpal (Chechen heroes). Krasnodar: Sevkavkniga; 1927. 31 p. (In Russ.).
19. Tumanov G. M. Robbery and self-reprisal in the Caucasus. Vestnik Evropy = Herald of Europe. 1885; (12): 617-647. (In Russ.).
20. Tumanov G. M. Robbery and Court Reform in the Caucasus. Saint Petersburg; 1903. 65 p. (In Russ.).
21. Horuev Yu. V. Abreks in the Caucasus. Vladikavkaz: NOIHSR; 2010. 524 p. (In Russ.).
22. Calikov A. Selected. Vladikavkaz: Ir; 2002. 544 p. (In Russ.).
23. Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). F. 12. Inv.2. C. 131. (In Russ.).
24. TsGA RSO-A. F. 12. Inv. 3. C. 308. (In Russ.).
25. TsGA RSO-A. F. 30. Inv. 1. C. 52. (In Russ.).
26. TsGA RSO-A. F. 224. Inv. 1. C. 121. (In Russ.).
27. TsGA RSO-A. F. 224. Inv. 1. C. 168. (In Russ.).
28. Sheripov A. Articles and speeches. Collection. Grozny: Kniga; 1990. 182 p. (In Russ.).
29. Eshba E. Aslanbek Sheripov. (The experience of characterizing the personality and activities of A. Sheripov in connection with the people's revolutionary movement in Chechnya). Grozny: Edition of the public education department CAR; 1927. 68 p. (In Russ.).